

К его заслугам можно, во всяком случае, отнести также изменение отношения финнов к России. Едва ли возможно расставить по порядку все оказавшие на это влияние факторы, если пытаться объяснить, как возникло это новое отношение к России. Очевидно, что важное место принадлежит той объективности социологического мышления, которое рассматривало объект, в том числе и коммунизм, только как отдельное явление в числе прочих. Поскольку коммунисты говорили, что дважды два равно пяти, то, по мнению предшествующего поколения, это было устрашающим и опасным безумием. В бихевиористическом арсенале социологии это было только одно безумие в массе других, если только чуть-чуть не лучше других. Между русским духом и коммунизмом в тот период ставили знак равенства, как в свое время между русским духом и православной верой. Человек мог быть русским и не быть коммунистом или, по крайней мере, его сторонником, но это представлялось неправдоподобным. В глазах социолога русский человек был абсолютно таков, как и все остальные люди в мире. Все различия были обусловлены структурами и законами общества.

Дух социологии уводил нас от прошлого. Это был дух революции, и он был разрушительным. В свое время его воспринимали как освобождение, и он действительно освободил от многого такого, что было глупым, затхлым и просто плохим. Несмотря на громадные обещания, он не смог выстроить ничего. Но все же развитие этой нашей культуры происходит только в одном направлении. В данном случае этот дух революционного времени действительно был «прогрессивным». Он ускорил наш переход к неизбежному.

Исчезновение «китайской стены»

Если бы мы хотели подвести временный итог тысячелетней границе Финляндии с Россией, то в наши дни сальдо по обе стороны границы оказалось бы относительно позитивным. Эта относительность означает то, что Финляндия и финны, с точки зрения России и русских, лучшие соседи. Россия для Финляндии и финнов также теперь хороший сосед, с которым происходят небольшие конфликты только по незначительным поводам. Эта ситуация, однако, не само собой разумеющаяся. Мы можем только представить, какими отношения были бы, если бы русские в свое время

окупировали бы Финляндию и осуществили бы там те же самые мероприятия, что и в странах Балтии. Уже миллионное русское меньшинство привело бы к национальной травме, если бы оно появилось в результате оккупации. Казни или высылка десятков или сотен тысяч финнов, которые стали бы жертвами обычной большевистской политики оккупации, основательно испортили бы отношения на века.

Парадоксально, но сближение наших народов удалось, можно так сказать, на той основе, что они смогли держаться обособленно. Велись войны, в морду получал то один, то другой, но эти сражения, в конце концов, велись открыто и честно, человек против человека. Нельзя сказать, что уничтожение определенного числа гражданского населения происходило в значительных масштабах, а для воина пасть на войне виделось счастьем и привилегией. Бомбардировки Финляндии осуществлялись с советской стороны, но по большей части они отражались. Русское население и военнопленные умирали из-за непреднамеренно плохого обхождения со стороны финнов. Это факты и по своему значению довольно ограниченные, но они также должны быть признаны обеими сторонами. Что же касается блокады Ленинграда и его жертв, виновность финнов в этом является чисто целенаправленной враждебной пропагандой, не подтвержденной фактами.

Насильственное отнятие у Финляндии Карелии, разумеется, вызвало горечь в нашей стране, и слова Молотова в 1940 г., согласно которым Московский мир создавал хорошую основу для развития добрососедских отношений, воспринимались финнами как издевательство. У Молотова все же было на уме большое сближение наших народов, когда он осенью того же года во время визита в Берлин потребовал свободы в действиях. Граница, однако, осталась, и, исходя из перспективы нынешнего времени, ее действительно можно считать хорошей основой для развития наших отношений, т. к. финны покинули территорию Карелии. Если бы четыреста тысяч финнов остались по ту сторону границы или граница была бы ликвидирована, наши отношения с Россией едва ли могли бы стать здоровыми в ближайшем будущем. Война только подтвердила то, что мы всегда были и остаемся обособленными от России и русских. Однако Россию и русских не следует отождествлять. В истории России у народа и государства, у каждого, была собственная роль, что отражается на отношениях народа и власти.

Все же у нас есть круги, которые тоскуют о возвращении Карелии, с населением или без оно. В мире есть те, по мнению которых, историю можно отмотать назад и один и тот же торт можно и съесть, и сэкономить. Аннулирование последствий войны было бы, очевидно, по их мнению, для нас привлекательно, хотя саму войну и не аннулируешь. Подавляющая часть этой группы уже становится такой, у которой едва ли есть какие-то личные, связанные с территорией переживания, и вся «тоска» выглядит очень фальшивой и сконструированной. Мысль о возвращении Карелии новым переселенцам — ошеломительна и безответственна. То же самое можно сказать о мысли, что территорию можно получить назад вместе с жителями. Такое уничтожение границы воспламенило бы отношения народов, которые в данное время довольно хорошие. Уже одно только требование этого может обострить межгосударственные отношения или, по крайней мере, предложить пользующейся недоброй славой российской власти желанную пищу для антифинской пропаганды, как это уже могли видеть. За нынешнюю границу дорого заплачено как финской, так и русской кровью. Ее изменение без новых жертв было бы невозможно, это ни в чьих интересах. Расчеты тех из «возвратителей территорий», кто ограничивается спекуляциями по вопросу о денежных суммах, вызывают жалость, как пример полного отсутствия осознания реальности. В свое время Финляндия выбрала борьбу, хотя ей предлагался мир и расширение территории. Войну проиграли, хотя и с честью. Немного чести в бабьем нытье из-за результатов войны, и ноющие ничего не добьются, но славу страны подпортят. До сих пор Финляндия придерживалась своих международных обязательств, это даже не обсуждалось. Так будет и в будущем.

Между Финляндией и Россией временами возникают государственные противоречия, причины которых известны. Но чем, в конце концов, была эта «китайская стена», которая возвышалась между финнами и русскими? Почему обособленность между народами сохранилась? Во времена автономии она, без сомнения, возводилась на финском патриотизме, на инстинктивном страхе перед превосходящими силами чужаком. Это был инстинкт самосохранения маленького народа и реагирование на ту российскую ксенофобию, которая стремилась русифицировать Финляндию и запретить в ней ее собственный патриотизм. Феннофобия общественного мнения России набрасывала тень на отношения финнов и русских даже на личном уровне в течение половины столетия.

Демократизация России в 1905–1907 гг. после короткого перерыва только ухудшила дело. Это легко видно по источникам. Обособление и цепляние за остатки законных прав, которые поддерживали границу между Финляндией и Россией, были той соломинкой, за которую финны попытались ухватиться.

*Senatus bestia, senatores boni viri*¹ — говаривали древние римляне. Если российское государство угрожало государственным правам Финляндии, это не вина отдельного русского. Почему государственный уровень отношений сказывался на уровне отношений индивидов? Сказывается ли он сейчас?

Очевидно, что на конфликты на государственном уровне сильно влияло то, как относились к русским в Финляндии и как относились там к русскому языку. Также с русской стороны сомневались даже в лояльности финнов, служивших в России, а финны считали за честь быть зачисленными наравне с евреями и поляками в группу русофобов. Отношение к финнам было, разумеется, характерным, хотя о ксенофобском отношении к финнам в России на бытовом уровне имеется не слишком много конкретных сведений. Едва ли их и найдешь... Жалобы русских в Финляндии на обхождение, напротив, имеются в изобилии, как в националистической прессе, так и в воспоминаниях и даже в художественной литературе. Во всяком случае, между ксенофобиями обеих стран имелась определенная взаимность. Финны отнюдь не были единственной активной стороной, они едва ли даже были в действительности таковой.

Исторические факты, однако, таковы, что во времена автономии Россия — высшая власть — различными способами помогала и покровительствовала Великому Княжеству Финляндскому и особо — говорившей по-фински части народа. Была ли у нас причина благодарить за это? В свое время благодарность выражалась неоднократно и адресовалась монарху, от которого исходили знаки милости. Памятник Александру II не просто так стоит на лучшем месте в Хельсинки. Не греша против истины, можно утверждать, что он появился как протест против той угрозы, которая существовала для прав Великого княжества, которые была весьма велики. Благодарность была — и есть — с нашей стороны за возвращение Карелии, осуществленное в 1812 г. как свидетельство великой милости монарха. По мнению некоторых, причиной

¹ Точнее: *Senatores omnes boni viri, senatus romanus mala bestia* — «Сенаторы мужи достойные, а римский сенат — злобный зверь».

признательности могло быть также то, как с Финляндией стали обходиться после Второй мировой войны. Достаточно сравнить с судьбой оккупированных стран. Здесь можно заметить, что от оккупации Финляндию спасло исполнение своего долга финской армией. Это само по себе так, но к этому также можно добавить, что сосед даже и не пытался «советизировать» нашу страну после войны. Когда оказалось, что наши собственные коммунисты на этом не настаивают, оставили все без перемен.

Опять же, мы можем поздравить самих себя, гордясь собственной активностью в отражении угрозы. Москва явно понимала, что попытка окажется напрасной и дорогой, зная об упрямстве финнов, как позже комментировал дело Молотов в разговоре с Феликсом Чуевым. Во всяком случае, у Сталина еще нашлись бы средства, если бы их захотели использовать. В самый жаркий период «холодной войны» Финляндию, и это было известно всем, никто бы не спас от советизации. Можно поразмышлять о том, что было бы, если в 1956 г. Порккала-удд не был возвращен. Для этого не было никакой необходимости.

Фельетонист Олли в свое время предложил, чтобы был введен общий день благодарения, когда специально благодарили бы соседей за все, что они нам *не* сделали. Бесспорно, идея интересная, и дела заслуживают того, чтобы взглянуть на них под этим углом зрения.

Взаимная благодарность народов, не говоря уже о государствах, дело в истории довольно редкое, как и альтруизм, хотя в России особенно славянофилы, а также коммунисты и шили мантию величайшей благодетельницы для всех стран и народов. Если какой-то народ ощутимо помогал другому, как, например, Швеция Финляндии во время Второй мировой войны, в этом охотно видят попытку успокоить собственную совесть, что не сделано больше. У общих фраз в церемониях между государствами есть все же своя значимость. Во времена Кекконена как у нас, так и у соседа высокопарно говорили о даре Ленина и той помощи, которую финны оказывали революционерам. Это было в интересах Финляндии.

Теперь об этом лучше уже не упоминать, т. к. значительная часть российской интеллигенции считает большевистскую революцию национальной катастрофой, в козлах отпущения за которую нуждаются. Правда, дает о себе знать двойственность национального мышления, в котором и коммунизм, и антикоммунизм имеют свою ценность в истории России. В одних кругах считают,

что все, что принадлежит истории страны, уже в силу этого само по себе ценно. Официальная линия оказывает поддержку этому направлению.

Во всяком случае, мы можем констатировать, что в отношениях наших стран имеется много положительного, и это следует подчеркнуть. Особенно следует заметить, что сотрудничество, как ни парадоксально, лучше всего процветало в период мирного сосуществования (т. е. невмешательства) и обособленность была лучшей гарантией хороших отношений. Теперь время изменилось, и изменилось бесповоротно. Общение быстро расширяется, и можно сказать, что в определенном смысле это происходит с чистого листа.

Наши народы еще никогда не смешивались, а если таковое в единичных случаях и происходило, то это было добровольным выбором. Добровольность, по-видимому, сохранит свою силу и в будущем. Исторический балласт в наших отношениях минимален, настоящих причин для новых конфликтов не видно. То, что некоторые мутящие воду личности пытаются такие создавать, не должно закрывать от глаз главное.

Информационная война основательно портила иногда финляндско-российские отношения, она вполне может повториться. Близорукие фокусники из специальных служб, которые организуют в интернете международные кампании «в защиту России» и против Финляндии и поднимают «национальных активистов» и «борцов за права», в чем душевное здоровье можно сомневаться, которые говорят об «угрозе войны» между Финляндией и Россией, могут ввести в заблуждение недалеких людей. Постоянные кампании, в которых мелкие дела раздуваются до немыслимых масштабов и утверждается, что из-за них возникает «угроза войны» между двумя европейскими странами в 2000-е гг., не могут не оказывать воздействия и на Финляндию. Они создают образ соседней страны, в которой, быть может, уже и не царит «рабство и принудительный труд», как это было в 1930-е гг., но в которой к истине относятся совершенно иначе, чем у нас. Это было, особенно раньше, камнем преткновения в нашем отношении к России. России следует поразмышлять о том, какую славу о себе она хочет иметь в Финляндии. Высокомерие всегда имело и имеет вредные последствия. Слава заслуживается, она не покупается и не продается.

Разделяющая народы восточная граница Финляндии как «китайская стена», каковой она была столетия, кажется, исчезает.

Обычная граница суверенных государств, разумеется, сохраняется, но таковая нужна нам со всех сторон, в не меньшей степени с юга, откуда, с учетом дальней перспективы, нам будут угрожать гораздо большие опасности, чем с востока. В прошлом граница была для нас, прежде всего, защитой от грозящих извне опасностей. Только второстепенно она была препятствием для нашего развивающегося общения, хотя, разумеется, она играла такую роль. В третьем тысячелетии угрозы начинают утрачивать свою актуальность. Круг общения людей, напротив, значительно расширяется, и это также может вызывать конфликты. Давайте надеяться, что поддержание расширяющихся контактов и исчезновение границы в этом случае не принесет зла, но, напротив, улучшит отношения между нашими государствами и народами. У обеих сторон есть много того, чего они могут достичь, и много того, что они могут утратить.